

▲ М. Г. Абакумов.
Деревенская красавица (первый авторский вариант названия — «Свидание у плетня»), 1996 г.
Крупнозернистый «репинский» холст с белым грунтом, масло (возможно, обезжиренное). 120 x 80,5 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

Secreta Artis (Секреты искусства)
ISSN 2618-7140
Воспоминания о художнике
Т. 7. Вып. 3 (2024). С. 46–61
DOI: 10.51236/2618-7140-2024-7-3-46-61

Secreta Artis ISSN 2618-7140
Reflections on the Artist
VOLUME 7. ISSUE 3 (2024). P. 46–61
DOI: 10.51236/2618-7140-2024-7-3-46-61

К О Н Д Р А Т Ь Е В
Олег Леонидович
Коллекционер живописи
Российская Федерация,
125190, Москва,
Ленинградский проспект,
д. 80, к. 5
Адрес электронной почты:
fond.abakumov@gmail.com

МОЕ ОТКРЫТИЕ МИХАИЛА АБАКУМОВА

До знакомства с творчеством Михаила Абакумова я пребывал в стойком убеждении, что все выдающиеся русские пейзажисты жили в прошлом, примерно до середины XX века. Я не задавался вопросом, время и среда были тому причиной или жанр пейзажа исчерпал себя. Я не видел ни новых приемов, ни соответствующего уровня исполнения, ни образов, которые бы действительно трогали.

Живопись интересовала меня всегда: это передалось от отца, которому стать художником помешала война. Я посещал выставки, изредка приобретал какие-то пейзажи, но ощущение их вторичности не проходило. Случайное (по рекомендации брата) посещение в 2002 году большой персональной выставки Михаила Абакумова «К 825-летию Коломны» в московском Центральном доме художника перевернуло эти представления. На выставку хотелось возвращаться вновь и вновь, ни одна работа не позволяла пройти мимо, просто скользнув по ней взглядом, возле каждой хотелось задержаться, осмыслить ее, увидеть еще раз при ином освещении. Некоторые пейзажи будили воспоминания. От картин Абакумова веяло новизной и, самое главное, удивительной подкупающей чистотой (при том, что большая их часть была написана в 1990-е – начале 2000-х, один из самых «мутных» для страны периодов). Неожиданно для себя я купил несколько работ с выставки, чтобы видеть их еще и еще. С тех пор я стал коллекционировать Абакумова, и это увлечение не прошло по сей день.

После выставки в ЦДХ захотелось глубже познакомиться с творчеством художника. Вскоре коломенская галерея «Лига» порадовала

приглашением на вернисаж Михаила Абакумова в культурном центре «Дом Озерова». Он проходил на майские праздники, поэтому посетители были немногочисленны. Я провел на выставке немало времени и уже собрался уходить, когда приехал Михаил Георгиевич. Сотрудники «Дома Озерова» представили меня художнику – он всегда интересовался отзывами посетителей. Мы проговорили с полчаса, и Абакумов пригласил меня в свою мастерскую. Немногие устаивались такого доверия. Первое наше знакомство со временем переросло в дружбу.

Я посетил все прижизненные выставки Абакумова, состоявшиеся в 2002–2010 годах (за исключением не очень крупных иногородних), и каждая из них была праздником. Равно как и каждая поездка в его мастерскую, находившуюся в купеческой части старой Коломны, Гончарной слободе. Всегда волнительно и радостно видеть едва ли не первым новые работы, слушать, что о них говорит сам мастер, высказывать свои суждения. Сколько всего интересного происходило! Мы с женой были свидетелями следующей истории. Михаил Георгиевич работал над натюрмортом с тыквой и колосьями пшеницы. Вскоре из угла мастерской, где был поставлен натюрморт, стало доноситься шуршанье. Мы не сразу сообразили, что постановка полюбилась пробравшейся в дом мыши. Все поспеялись над своеобразным ценителем, которого интересовала натура, а не написанная с нее картина.

К сожалению, я не имел возможности подолгу наблюдать за работой художника, так как обычно во время моих визитов сразу же начинались разговоры. Вообще же Абакумов творил

в мастерской в одиночестве, ни на что не отвлекаясь. Только включал радиоприемник, который был часто настроен на волну местной радиостанции «Благо», транслирующей классическую музыку, проповеди, чтение книг, а также программы по истории Отечества.

Восприятие потрясающих цветовых нюансов живописи Абакумова значительно зависит от освещения. Приезжать в его мастерскую лучше было в солнечный день. Если Михаил Георгиевич считал, что картина ему особенно удалась, он мог сказать: «Это шедевр!» Мне же порой казались куда интереснее другие картины, мнение художника о своих работах иногда вызывало недоумение. Но обычно все продолжалось до той минуты, пока солнце не переходило в другое окно, изменяя освещение. «Неудачные» картины преобразовались, становилось непонятно, как можно было не оценить их. Эту особенность произведений Абакумова обязательно надо принимать во внимание при обустройстве его экспозиций на выставках. «Правильная» направленная подсветка очень важна для его работ, их нельзя просто повесить в неосвещенный темный угол – «краски» пропадут.

* * *

Для посторонних Михаил Георгиевич был весьма закрыт. Ощущалась постоянная настороженность, обычно сопутствующая душевной ранимости. Видимо, было отчего. Абакумов мог легко отказать кому угодно даже в очень выгодном заказе, если к заказчику не лежала душа. Совсем иным было отношение к тем, кого он допускал в свой близкий круг. Доброжелательность, искренность, чуткость, душевная широта...

Достаточно часто случается, что первому знакомству с дорогими нам людьми предшествует предварительное пересечение судеб: человек проходит совсем близко, но мимо, потому что момент для встречи еще не наступил. Нечто похожее случилось у меня с Михаилом Георгиевичем.

Во время моих визитов в мастерскую художника он любил извлекать на свет работы давних лет и рассказывать истории их создания. Количество картин и этюдов Михаила Георгиевича огромно, и даже хранившихся в его мастерской хватало, чтобы каждый раз демонстрировать новые. В один из моих приездов Абакумов показал ранний пейзаж Торжка. Судя по манере письма, он был выполнен в середине 1980-х. Пейзаж заинтересовал меня, и я стал рассматривать год создания. Оказалось – 1986. Это подогревало мой интерес. В 1986 году во время похода на весельных лодках по рекам Тверской губернии я познакомился с прекрасной восемнадцатилетней девушкой Катей, которая впоследствии стала моей женой. Торжок был одним из ключевых мест нашего похода. Мы с Катей поднимались на гору к Борисоглебскому монастырю, с которой открывался запечатленный на картине Абакумова вид. Я спросил Михаила Георгиевича о дате написания пейзажа. Он помнил ее с точностью до двух-трех дней (когда выбирался в Торжок

с Академической дачи имени И. Е. Репина под Вышним Волочком). Оказалось, что художник работал над картиной в те дни, когда мы с Катей взбирались на монастырскую гору. Либо мы разминулись с Абакумовым, либо я был слишком увлечен своей спутницей и не заметил Михаила Георгиевича, писавшего где-нибудь в тени. В любом случае я вряд ли мог тогда в полной мере оценить его мастерство: свой неповторимый стиль Абакумов выработал несколько позже, в 1990-х (но и ранние его произведения очень интересны, просто, быть может, не столь узнаваемы). После выяснения всех этих обстоятельств Абакумов подарил мне пейзаж Торжка с видом на реку Тверцу. Большую картину, которая стоит немалых денег. Неоценимая щедрость!

* * *

Как-то осенью Михаил Георгиевич приехал ко мне на работу, чтобы обсудить публикацию его альбома в издательстве «Белый город». Я познакомил Абакумова со своим коллегой, и в обеденное время мы втроем отправились в столовую Вычислительного центра Академии наук, заведения с достаточно строгими порядками. Абакумов был в хорошем настроении, намекал, что в промозглый день хорошо бы пропустить пару рюмок для аппетита. Открыто употреблять спиртное в ВЦ РАН никому и в голову бы не пришло, поэтому мы на западный манер спрятали бутылку в бумажный пакет и из него разливали содержимое в стаканы. Я опасался, что нас быстро прогонят, но напрасно: Михаил Георгиевич шутил с окружающими и очень органично, обаятельно выглядел со стаканом в руке.

Вообще в жизни он был веселым человеком. В военном санатории (куда его как-то отправили подлечиться на платной основе) на вопрос главврача о том, какой войны он ветеран, Михаил Георгиевич с ходу ответил: «Куликовской битвы».

Любил Абакумов по-доброму похулиганить и в картинах. Скажем, нарисовать облако странной формы (странной для нас, ненаблюдательных) и потом с серьезным видом рассказывать, что это НЛО. Или оставить без подписи большой натюрморт в интерьере («Утро», 2004) – вазу цветов в мастерской. Но на заднем плане за вазой можно увидеть несколько прислоненных к стене холстов, на одном из которых знакомая подпись «М. Абакумов».

* * *

Постараюсь ответить на вопрос, чем меня привлекают работы Михаила Георгиевича. Все его картины удивительно живы и интересны, в них всегда есть загадка. «В картине обязательно должна присутствовать загадка, тайна», – это слова самого Абакумова. Красота пейзажей художника не неодушевленная, в ней всегда есть ощущение тайны присутствия Бога в природе, самых скромных незаметных ее уголках. Например, в картине «Дверь в тайну» написан покосившийся старый сарайчик в зарослях травы – а ощущение такое, что его дверь ведет в иной мир, в другое измерение. Это отчасти, наверное,

▲ М. Г. Абакумов. Дверь в тайну. 1994 г. Крупнозернистый «репинский» холст с белым грунтом, масло. Хорошо видна сине-зеленая подкладка под живопись. 90 x 99 см. Собрание О. Л. Кондратьева

созвучно тому, как в православном храме мы ощущаем присутствие Бога. Михаил Георгиевич был православным человеком.

«Я хочу писать гармонию, творение Бога. Художник пишет то, что он утверждает. Быть может, я изображаю идеальную Россию, но такой я хотел бы видеть ее», – говорил Абакумов. Может показаться, что это чересчур красивые слова, но художник остался верен им до конца. Под впечатлением созданных Абакумовым образов и я стал иначе смотреть на окружающий ландшафт, пытаюсь отыскать в нем спрятанные смыслы, красоту самых обыденных вещей.

Большинство работ зрелого периода Михаил Георгиевич создал по памяти. «Обяза-

тельно по памяти, нельзя быть рабом природы. Реконструировать пейзаж – это большое дело, не все художники это умеют. А вообще великие вещи получались, только когда пейзаж сконструирован», – говорил художник в одном из своих интервью¹. Уровень его мастерства настолько высок, что в длительной работе на пленэре не было необходимости, все цветовые нюансы Абакумов мог запомнить и воспроизвести в мастерской. Меня этот вопрос очень интересовал, я не стеснялся его задавать, но художник только улыбался в ответ.

Абакумов зачастую творчески пересочинял натурный мотив, он никогда не следовал увиденному слепо. Знаменитая коломенская

¹ Пейзаж как национальное достояние. Беседа с Михаилом Абакумовым Ларисы Гречиной на Московском международном художественном Салоне ЦДХ-2006 // Диалог искусств. 2006. № 6. С. 118.

▲ М. Г. Абакумов. Добрый снег. 1998 г.
Натянутая на оргалит тонированная бумага верже темно-оливкового цвета, гуашь. Цвет бумаги хорошо виден в зонах живописи домов и заборов, в меньшей степени — во всей композиции. 39 x 39,4 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

Посадская улица в его пейзажах поэтичнее, нежели в реальности. Он умел убрать второстепенные отвлекающие детали, сохраняя при этом целостность образа старинной купеческой улицы. Мог переставить местами дома, чтобы подчеркнуть их стильность, убрать из фокуса неказистый забор, уродливые заброшенные строения советского периода или постсоветский новострой.

Помню, как на открытии персональной выставки Абакумова земляки из его коломенской «группы поддержки» с удивлением обсуждали, что они как-то прозевали момент, когда собор в Коломенском кремле в ходе реставрации обрел все пять глав. На самом деле к тому времени был восстановлен только центральный купол, законченный вид храм приобрел лишь год спустя. В голову ведь никому и мысли не закралось — настолько убедителен был художник. Не мог

храм в его понимании иметь незавершенный вид на картине.

Характерна эволюция у Михаила Георгиевича некоторых тем его картин, к которым он обращался на протяжении многих лет. Одна из них — «Окно в вечность», вид с колокольни на Соборной площади Коломны. Первые варианты сугубо «реалистичны» и, как следствие, отягощены лишними деталями — свисающими проводами, башенным краном на заднем плане и прочими приметам времени. В более поздних композициях все это отсечено как лишнее, ненужное. Осталась только главная тема, вынесенная в название.

Конечно, Абакумов писал и натурные этюды. Многие из них — маленькие шедевры, которые потрясающе передают природные состояния, вызывая ассоциации с этюдами Левитана. Большое количество этюдов Абакумов

▲ М. Г. Абакумов. Ветры осенние. 1997 г.
Крупнозернистый холст редкого плетения, авторский белый грунт, масло (предположительно, обезжиренное). 129,5 x 120,3 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

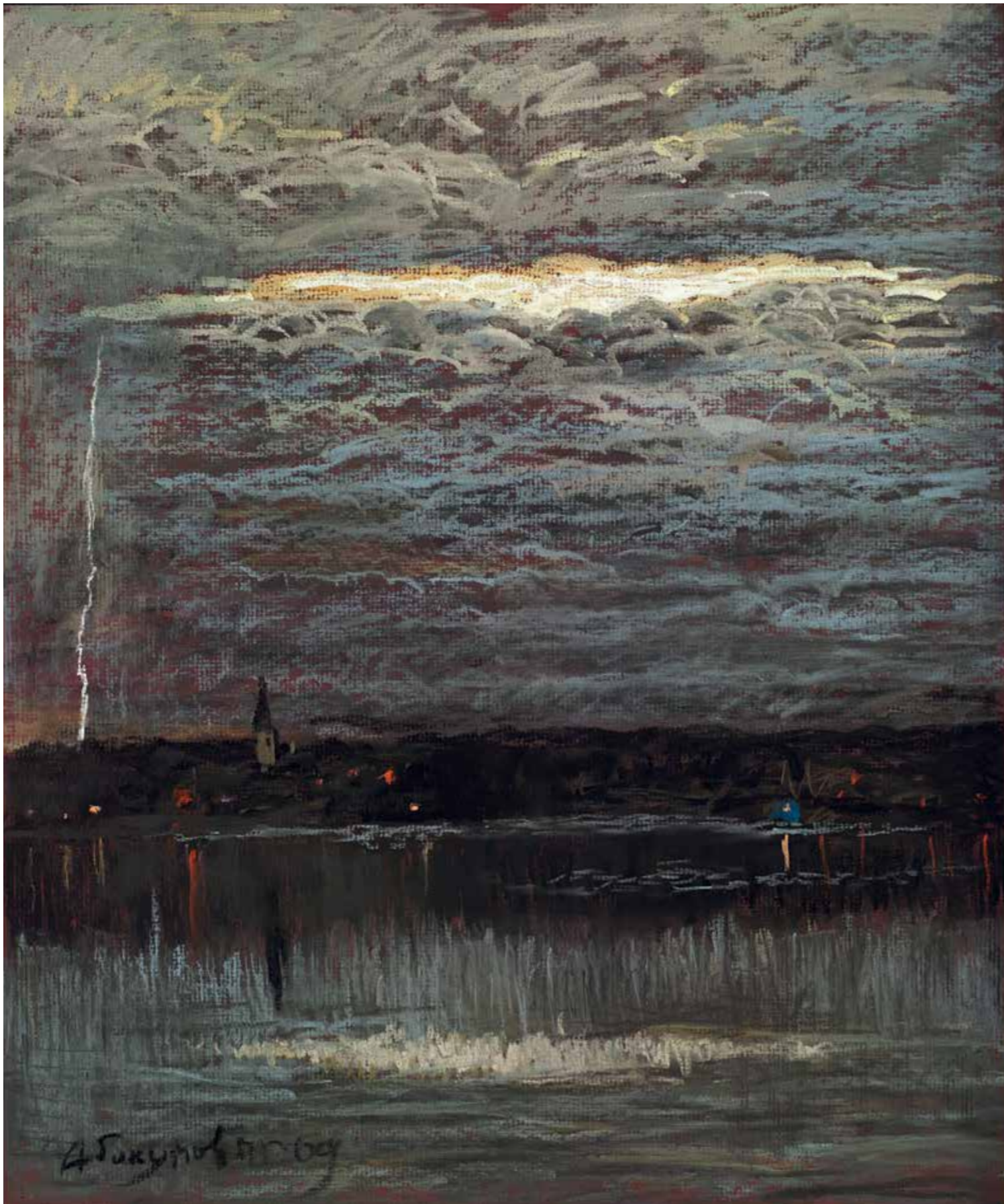
написал в довольно компактной по масштабу уже упомянутой Гончарной слободе, где он знал буквально все уголки. Как никто другой художник умел «подсмотреть» зачастую невидимую другим красоту старого покосившегося дома, одинокого дерева, свисающих с крыш сосулек. Ему не надо было куда далеко ходить — все эти мотивы находились буквально в нескольких десятках метров от его мастерской. Можно только поражаться умению Михаила Георгиевича найти неожиданный ракурс и буквально из ничего придумать сюжет чудесной картины «малышки».

Часто Абакумов писал этюды из окна своего автомобиля. В начале 2000-х у него была «Нива», потом по моей рекомендации он купил очень ему нравившийся куда более просторный паркетник «Мицубиси». В нем было намного комфортнее работать.

Летом Михаил Георгиевич обязательно ездил к себе в деревню Синяково под Харовском (на Вологодчине). Северная природа всегда влекла его. Чистые реки, живописные деревянные мостики, туман над Кубеной, белые ночи, иван-чай выше человеческого роста, стожки сена... Абакумов говорил мне, что он последний художник, рисующий стога. Я как-то пропустил это мимо ушей, а во время недавней поездки в Синяково с сыном художника Андреем с удивлением обнаружил, что стожков теперь уже нет: комбайны собирают сено в брикеты. И мостики теперь из бетона...

* * *

Живопись Михаила Георгиевича, на мой взгляд, близка по колориту работам некоторых членов первого Союза русских художников, например С. Ю. Жуковского и С. А. Виноградова.

▲ М. Г. Абакумов. Ночь на Волге. 2007 г.
Тонированный картон коричнево-сиреневого цвета, пастель. Цвет картона хорошо виден во всей композиции. 50 x 42 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

Наверное, неслучайно Абакумов имел непосредственное отношение к возрождению Союза в 2008 году.

Михаил Георгиевич всегда искал что-то новое, любил экспериментировать с разными техниками: маслом, акрилом, темперой, пастелью. По словам коллег-художников, он разработал оригинальный метод темперной живописи. Был блестящим графиком. Мало кто в состоянии графитовым карандашом так достоверно передать пушистость и белизну только что выпавшего снега или зной июльского полдня. Рисовать Абакумов очень любил и порой сетовал, что зрители в первую очередь обращают внимание на его живопись маслом и темперой. В несколько меньшей степени, на мой взгляд, интересны акварели Михаила Георгиевича. В последний год жизни художник пробовал себя даже в мозаике.

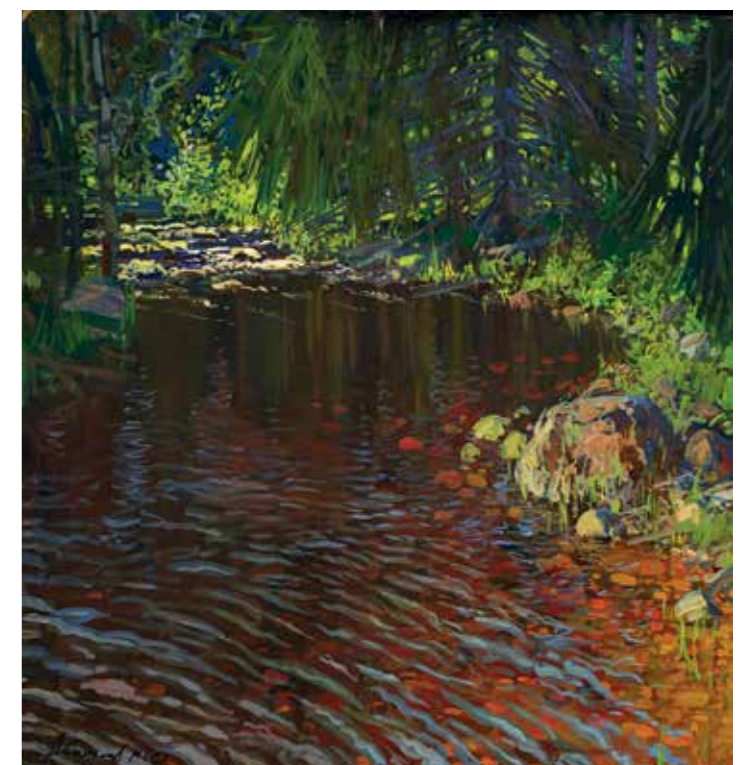
Всегда поражает безупречность его композиций. Кажется, они сложились легко, сами собой. Конечно, это совсем не так, что особенно заметно при сравнении произведений Абакумова и его последователей. «Живопись – это и есть композиция», – говорил художник. Композиционное мастерство – следствие его потрясающего таланта и многолетнего труда с юношеских лет. Конечно же, сказалось и ВГИКовское образование, полученное умение «постановки кадра». «Композиционное мышление оттуда», – свидетельствовал сам Михаил Георгиевич. Его бывшая однокурсница, мастер мультипликации Г. А. Петрова, вспоминала, что во ВГИКе к нему относились бережно, предоставляя определенную свободу творчества ищущему себя большому таланту.

Весьма любопытны портреты Абакумова, хотя портретистом в традиционном понимании его назвать трудно, скорее это колористические этюды. Обычно он писал своих близких, друзей, знакомых.

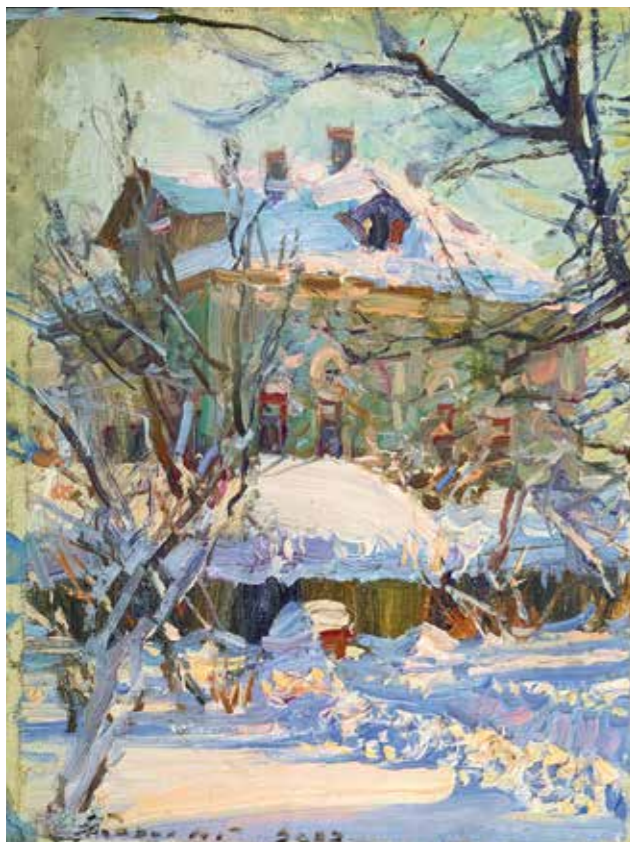
Почему-то в меньшей степени меня трогают заграничные пейзажи Абакумова, хотя есть исключения. У него практически нет зарубежных работ большого формата. Вероятно, это обусловлено тем, что Абакумов – художник национальный, русский, угадавший душу России и воспевавший ее красоту. Причем не только классическую красоту русской природы – леса, поля, убегающие реки. Даже в панораме Саяно-Шушенской ГЭС художник сумел найти и передать нечто необычное, не бросающееся в глаза, но то, что ближе заморских красот.

▲ М. Г. Абакумов.
Выпал снег. 2001 г.
Бумага, угольный карандаш. 29 x 20 см.
Собрание
О. Л. Кондратьева

▶ М. Г. Абакумов. Живая вода. 2006 г.
Оргалит, темпера. Кистевая подкладка под всей композицией с растяжкой от холодных тонов в верхнем левом углу до горячих тонов в нижнем правом. Золотистый цвет оргалита хорошо виден сквозь подкладку. 90 x 85 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

▲ М. Г. Абакумов. 1 января 2003 г. 2003 г. Натянутый на картон мелкозернистый холст с белым грунтом, масло. Узкая полоса композиции вдоль ее левой вертикальной стороны прописана темперой (?), гуашью (?). 18 x 14 см. Собрание О. Л. Кондратьева

▼ М. Г. Абакумов. Майское солнце. 2009 г. Крупнозернистый «репинский» холст, авторский белый грунт, масло. 25 x 45 см. Собрание О. Л. Кондратьева

Работал Михаил Георгиевич много, быстро, поэтому создал огромное число замечательных произведений, просто «нереально» огромное. Наследие художника обычно оценивается в две с половиной тысячи работ. Однако на сегодня в электронном каталоге Абакумова, который я веду, уже почти три с половиной тысячи записей, и эта база данных постоянно пополняется. Близко знавший Михаила Георгиевича С. Н. Андрияка считал, что Абакумов создал шесть тысяч произведений. Трудно поверить, что возможно так много успеть за отпущенные 62 года жизни.

Не знаю, насколько остро Михаил Георгиевич в молодые годы ставил перед собой цель поиска неповторимого стиля. С детства у него была неумная жажда рисовать, все его старые коломенские друзья вспоминают об этом. По свидетельству В. А. Бека, во время армейской службы, которую Абакумов проходил в родном городе, он даже зачастую не ходил в увольнение домой – рисовал в воинской части где-нибудь на крыше. Наверное, через всю эту работу он и пришел к своему стилю. Ведь Абакумова действительно ни с кем не спутаешь. Если найдется кто-то, кто сможет его подделать, я буду аплодировать. Подделки уже появились, но за версту видно, что это не Абакумов.

Михаил Георгиевич не любил советских праздников типа 7 ноября, 1 мая, он считал, что праздновать тут нечего – и тогда зачем терять время, если можно рисовать. Наверное, неслучайно мы познакомились именно на майские праздники, когда он ненадолго выбрался из мастерской почитать отзывы о своей выставке. Даже к празднованию Нового года у него было своеобразное отношение. Когда большинство сограждан обычно отсыпалось после бурно проведенной новогодней ночи, художник выбирался в город порисовать, пока на улицах никого нет

▲ М. Г. Абакумов. Весенний свет. 2002 г. Крупнозернистый «репинский» холст с белым грунтом, масло (предположительно, обезжиренное). 18 x 24 см. Собрание О. Л. Кондратьева

и никто не будет мешать. Цикл «1 января» насчитывает порядка десяти замечательных работ небольшого формата. Совсем другое дело – Рождество, которое Абакумов действительно праздновал.

Уровень своего творчества Михаил Георгиевич представлял очень хорошо. В самом начале нашего знакомства он серьезно спросил, работы каких еще художников у меня есть. Абакумову было не все равно, с чем будут соседствовать его картины. Я с чистой совестью ответил, что с ним не сравнится никто, так как моя коллекция тогда была в зачаточном состоянии. Только после этого Абакумов стал позволять мне выбирать у него в мастерской понравившиеся новинки. И продавая работы на выставках, он старался не отдавать их в случайные руки.

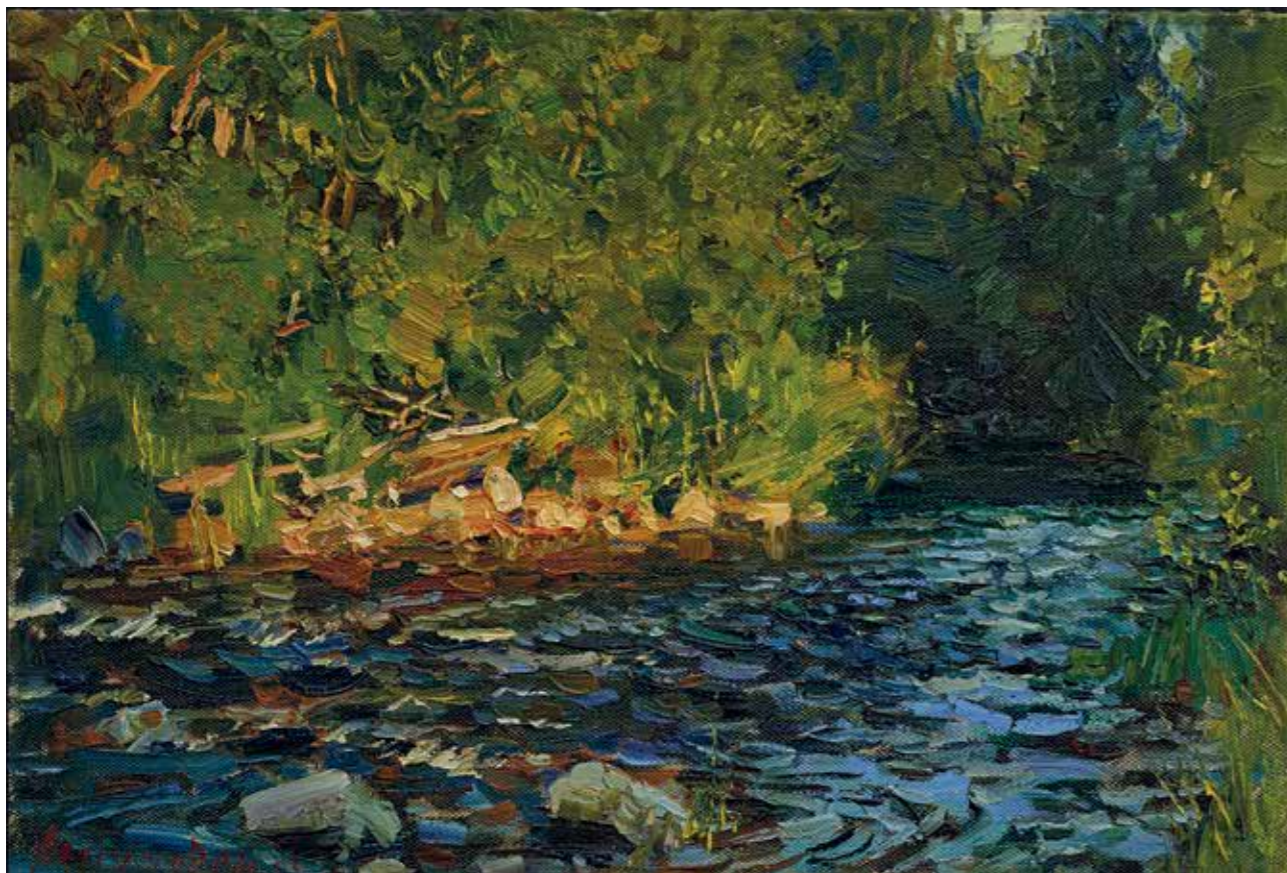
***

Картины Абакумова обязательно надо смотреть с достаточного расстояния. Обычно кажется, что они проработаны самым детальным образом. Как, например, у А. К. Саврасова, детали пейзажей которого можно рассматривать даже под лупой. Однако при приближении к работе

Абакумова с удивлением обнаруживаешь, что, казалось бы, тщательно выписанное дерево – на самом деле три-четыре быстрых мазка, а пастух и корова на выпасе – одиночные цветочные пятна. Ничего похожего я не встречал ни у одного художника. Нет этого и у импрессионистов. Непостижимо, как можно угадать, что восприятие зрителя сработает нужным художнику образом. Его «Мокрая сирень» еще и «источает» кружащий голову аромат. Магия в чистом виде! Причем магия Абакумова – не трюкачество, не визуальный парадокс, но средство достижения поставленной цели. Так что правильнее сказать – не магия, но дар свыше.

***

Абакумов – пейзажист рубежа XX–XXI веков, сказавший новое слово в этом жанре. Его пейзажи – нечто совсем иное по технике, нежели выписанные в подробностях картины XIX века, которые можно рассматривать, даже подойдя вплотную. При этом у раннего Абакумова есть отдельные работы, выполненные во вполне классической технике, напоминающей живопись середины XIX века. Как-то в его мастерской мне попался

▲ М. Г. Абакумов. Убегают река Тоя. 2004 г.
Картон, масло. 20 x 30 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

▼ М. Г. Абакумов. Конец марта. 2006 г.
Холст, масло. 13 x 18 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

на глаза относительно небольшой пейзаж 1982 года «Подвода в Дежнево», написанный на немного потрескавшейся доске в манере старых мастеров. Выглядел он на сто процентов как работа из антикварного салона. Я был в замешательстве, так как увидел на ней характерную подпись художника. Абакумов развеял мои сомнения, сказав с улыбкой: «Я и так могу».

Выдающийся русский философ К. Н. Леонтьев считал, что форма есть диктатура внутреннего содержания. Именно разработанная Абакумовым манера письма позволила ему рассказать о сокровенных тайнах неброских уголков русской природы.

Если говорить о мастерах, которые повлияли на его творчество, Михаил Георгиевич всегда высоко отзывался о художниках гарбизонской школы. Вспоминал учебу у А. М. Грицая, по крайней мере несколько его композиций – переосмысление пейзажных мотивов учителя («Березовая роща», «Грядка с капустой», «Пасущиеся коровы» и др.). Учился также у братьев С. П. и А. П. Ткачевых. Нельзя сказать, что это была учеба в обычном понимании – прежде всего возможность наблюдать, как работают эти замечательные мастера. Вспоминал Б. М. Неменского, совместные поездки с С. Н. Андриякой, когда они успевали сделать по этюду за время

недолгой стоянки поезда. Ценил К. И. Горбатова, произведения которого хорошо знал. Общался с несколько более старшим по возрасту Н. П. Федосовым, в знак взаимного уважения они дарили друг другу пейзажи. Перечисленные художники определенно оказали влияние на Абакумова. Не такой большой список, но других имен я от него не слышал. Друзья не в счет, о них Михаил Георгиевич всегда говорил: «Главные мои учителя – это друзья». Он обязательно вспоминал своего первого учителя Н. И. Бодрягина из коломенского Дома пионеров.

Михаил Георгиевич любил повторять, что практически у каждого художника может подсмотреть интересное, полезное. К коллегам по ремеслу он относился с большим уважением.

Благодаря Абакумову я познакомился с прекрасными работами других русских художников второй половины XX – начала XXI века – широко известных А. М. Грицая, Н. П. Федосова, С. Н. Андрияки, близкого друга и единомышленника Абакумова В. Н. Орлова, очень уважаемого мной И. Е. Базанова (соседа Абакумова по его летней «резиденции» на Вологодчине), замечательных живописцев В. Н. Страхова, С. И. Смирнова, В. П. Полотнова и целого ряда интересных коломенских художников.

На мой взгляд, в работах Михаила Георгиевича много созвучного неоконченным поискам новых форм позднего И. И. Левитана, чья большая ретроспектива в Третьяковке (2010) еще раз в этом убедила. Похоже, Абакумову удался следующий шаг. Очевидна перекличка с мотивами ряда пейзажей раннего И. Э. Грабаря (февральская лазурь, березовая аллея, старая веранда и др.).

В ранних произведениях Абакумова можно увидеть и отголоски «сурового стиля». Например, в цикле композиций, созданных в период его творческой командировки на металлургический комбинат в Череповце, написанных им практически одной черной краской. «Ну не было там других красок тогда, – смеялся художник. – Купил бы сейчас Череповецкий комбинат эти картины – могли бы показывать, как у них было в 1980-е годы».

Недавно мое внимание привлекло творчество ивановского пейзажиста-фронтвика В. А. Фёдорова, большая коллекция произведений которого экспонируется в Музее пейзажа в Плесе. Судя по датам, он, вполне вероятно, мог пересекаться с Абакумовым на Академической даче под Вышним Волочком. Думаю, в некоторых пейзажах Абакумова начала 1980-х присутствуют следы их общения, в те годы Михаил Георгиевич был еще на пути к своему неповторимому стилю.

Как мне кажется, один эпизод конца 2000-х весьма интересен для понимания отношения Абакумова к творчеству. В зале Ново-

Голутвина монастыря Коломны периодически проходили концерты, где выступали музыканты, приглашенные игуменьей Ксенией (в прошлом журналисткой, выпускницей МГУ). Причем репертуар был весьма разнообразен. Помню реакцию Михаила Георгиевича на исполнение произведения одного из самых известных сегодня «продвинутых» российских композиторов, музыкального руководителя Большого театра в 2009–2010 годах. Во время исполнения пианист бросал на струны рояля стальные шарики, которые прыгали, извлекая необычные звуки. В отличие от сидевших с серьезным видом слушателей Абакумов хохотал. Ему было вполне понятно такое «хулиганство» с претензией на оригинальность, но после концерта он заметил: «Это то, что я преодолел».

Любопытно, как Михаил Георгиевич воспринимал критику. Иногда он просил высказать замечания о своих работах. Всегда внимательно слушал, не перебивая, но улыбаясь. Иногда с чем-то соглашался (видимо, из вежливости). Случаев, когда он после этого что-либо переделывал, не знаю. У него был свой взгляд.

* * *

Порой приходится слышать, что Михаила Георгиевича причисляют к направлению так называемых романтиков реализма. Действительно, он участвовал в одной из выставок (первой, в конце 2007 года) инициированного галереей «Арт Прима» проекта с одноименным названием, где экспонировались работы многих известных художников,

ФОТО (2): ВЛАДИМИР ФОМИН

▲ М. Г. Абакумов. Вечер в Коломне. 2000 г.
Бумага, масло. Черная подкладка под живопись,
выполненная, возможно, клеевыми красками. 19 x 25,5 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

▲ М. Г. Абакумов. Осенний пожар. 2004 г.
Крупнозернистый «репинский» холст,
авторский белый грунт, масло. 54 x 70 см.
Собрание О. Л. Кондратьева

например Н. П. Федосова. Направление «романтиков реализма» было провозглашено как зародившееся в Москве в кругу близких к А. К. Саврасову живописцев, связанных с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества.

Термин «романтический реализм» вошел и в название большой выставки советской живописи 1925–1945 годов в ЦВЗ «Манеж» (2015). Достаточно взвинченный и гнетущий настрой многих полотен этой выставки никак не ассоциируется с творчеством Абакумова.

На мой взгляд, термин «романтик реализма» – не вполне понятная условность, которая вряд ли подходит для характеристики творчества Абакумова. Он говорил в одном из своих интервью: «Я люблю... пейзаж скорее даже не романтический, а поэтический... какие у меня названия работ? Короткое стихотворение. Сначала слово, потом слово рождает картину, я много пишу по памяти»².

Наверное, правильно сказать, что творчество Михаила Георгиевича не укладывается в прокрустово ложе сомнительных терминов. Как он сам говорил: «Сейчас настоящих художников и нет почти – “штучный товар”». Несомненно, Абакумов занимает особое место среди отечественных живописцев.

* * *

Широко известна любовь художника к родной Коломне и ее окрестностям, которые он запечатлел «вдоль и поперек». Из окон нового дома Абакумова на берегу Москвы-реки, который он приобрел в конце 2000-х годов, открывался прекрасный вид на старые улочки за церковью Николы на Посаде. «Рисую только с моего балкона, можно академиком стать», – говорил Михаил Георгиевич. По моему совету он не стал делать в доме гараж, его место занял выставочный зал. Абакумов с видимым удовольствием сидел на стул в центре зала и смотрел на свои работы, многие из которых являли собой пейзажи Коломны.

Мне же всегда хотелось привезти его поработать в левитановские места под Истрой. Михаил Георгиевич бывал в этих краях, ему запомнился Ново-Иерусалимский монастырь. Мы договорились поискать okazji для поездки. Увы, этим планам не суждено было осуществиться. На масленичной неделе 2010 года мы гуляли с Абакумовым по центру Коломны. Праздничное настроение, много знакомых художника. Казалось, Михаил Георгиевич весел, в хорошем настроении... Но именно тогда он впервые как-то виновато пожаловался мне на одиночество.

Никогда до этого я не слышал от него ни малейших сетований на жизненные обстоятельства. Абакумов тяжело переживал уход из жизни жены Аси, несколько поспешный второй его брак едва ли мог долго давать позитивный заряд. К своему стыду, я не знал о возникшей у него за год до этого особо чувствительной для художника проблеме с рабочей левой рукой, которой он уже не мог рисовать. Правда, Абакумов мог замечательно писать и нерабочей правой, но картины выходили уже немного другими, мазок стал крупнее.

Михаил Георгиевич сообщил мне, что на неделю ляжет в местную больницу подлечиться. Он делал это неоднократно. Кто мог предположить, что, казалось бы, обычное обострение диабета станет для него роковым? Видимо, были и факторы душевного свойства, ослаблявшие его здоровье.

Я встречался с ним еще несколько раз в больнице и после. От помощи с организацией лечения он отказался, хотя лечили его, очевидно, неважно. Абакумов звонил мне накануне

операции, когда после вмешательства министра культуры А. А. Авдеева его перевели в московскую больницу. Держался он мужественно. После ампутации ноги я с трудом узнавал прежнего Михаила Георгиевича. Не покидало ощущение, что он одновременно здесь и уже не здесь.

Последний раз я увиделся с Абакумовым в мае 2010 года на групповой выставке в Крокус-Сити, когда стараниями директора галереи «Меларус Арт» А. С. Милёхиной ему наконец запоздало присвоили звание члена-корреспондента Российской академии художеств. Больно было видеть Абакумова в беспомощном состоянии среди его лучезарных картин.

Началось лето 2010 года, стояла страшная жара, всю Московскую область заволокло дымом пожаров. Мне пришлось увезти семью в Финляндию. После возвращения я сразу же позвонил Абакумову. Трубку снял его сын Андрей и сказал, что час назад отца не стало.

Несмотря на плохое состояние здоровья Михаил Георгиевич пытался работать до последнего момента. Изменить кисти и краскам

² Пейзаж как национальное достояние. С. 117–118.

он не мог. Последние его картины загадочны, вряд ли нам дано понять их. Наверное, и не нам они адресованы.

***

Сегодня Абакумов – очень известный художник. Многие его произведения находятся в фондах Музея современного искусства. Постоянно работает зал-музей имени Абакумова в картинной галерее Коломны. Его живопись экспонировалась на самых почетных стенах в Институте русского реалистического искусства (увы, ныне закрытом). Много работ Абакумова и в государственных собраниях, о чем свидетельствует каталог Музейного фонда РФ (goskatalog.ru). Есть и несколько прекрасных частных коллекций живописи и графики Абакумова (например С. О. Браиловского, П. И. и Т. А. Полинковских), есть галеристы, в том числе в США, которые отлично знают его творчество. Ежегодно проходят выставки Михаила Георгиевича. Иногда его работы всплывают в совсем неожиданных местах, например, недавно на аукционе в США была продана картина Абакумова с шильдиком коллекции бывшего олигарха М. Б. Ходорковского.

К сожалению, в Третьяковской галерее всего одна работа Михаила Абакумова.

Отобранные для этого собрания национального искусства картины (и из лучших!) в свое время не попали в фонды ГТГ из-за бюрократической волокиты и других сопутствующих нюансов (в какой-то момент художник не выдержал и забрал подготовленные для передачи произведения).

Настоящее признание Абакумова еще впереди. Думаю, оно не за горами. При жизни Михаила Георгиевича называли соловьем русской живописи, золотой кистью России. Однако столь важное для практически любого художника официальное почетное звание члена-корреспондента Академии художеств он получил лишь незадолго до смерти, позже даже некоторых своих учеников.

Талант не всегда вызывает у коллег хорошие чувства. На выставке Союза русских художников в Царицыне (2013, всего через три года после смерти художника) фамилия Абакумова не была упомянута. Просто в голове не укладывается! Михаил Георгиевич – один из тех, кто возрождает Союз и придал ему вполне определенный вес. Но в конце концов есть удел сильных. Уверен, со временем все встанет на свои места.

▼
М. Г. Абакумов. Светлый день. Апрель. 2008 г. Мелкозернистый холст с белым грунтом, масло (предположительно, обезжиренное). 16,5 x 23 см. На обороте авторская надпись: «Собственность Морозовой Г. В.». Собрание О. Л. Кондратьева

▲
М. Г. Абакумов. Вербное воскресенье. Рыбная слобода, Переславль-Залесский. 2008 г. Серый холст среднего зерна, авторский белый грунт, масло (предположительно, обезжиренное, за исключением пастозных мазков). 40 x 55 см. На обороте авторская надпись: «Собственность Морозовой Г. В.». Собрание О. Л. Кондратьева

***

В течение многих лет Абакумов преподавал в МГАХИ им. В. И. Сурикова и в Коломенском педагогическом институте. Ученики помнят Михаила Георгиевича. Например, на ежегодно проходящих коломенских Абакумовских чтениях всегда можно встретить С. С. Алдушкина. Однако ученики пошли своими путями, продолжателей абакумовской манеры письма практически нет, можно вспомнить разве что Н. В. Пичугина, которого отмечал сам художник. Очень жаль, что ему совсем недолго удалось поработать вместе с Михаилом Георгиевичем. Вероятно, соответствовать Абакумову в полной мере нереально.

Бурный XX век подарил России и миру целую когорту потрясающих русских пейзажистов. Абакумову, чей расцвет приходится на последнее

десятилетие XX – первое десятилетие XXI века, было у кого учиться и на кого равняться. К сожалению, приходится признать, что в нынешнем веке в отечественной пейзажной живописи пока не видно новых художников, которые по масштабу дарования могли бы сравниться с Абакумовым, хотя прошла уже почти четверть столетия. Это печалит. Все-таки, как говорил Михаил Георгиевич, «пейзаж – это национальное достояние», «чувство Родины»³. Будем надеяться, что это «затишье» временное. Большие таланты рождаются далеко не каждый год.

В заключение скажу, что очень горжусь дружбой с Михаилом Георгиевичем и считаю его без преувеличения самым выдающимся русским пейзажистом рубежа веков.

³ Пейзаж как национальное достояние. С. 118.

MY DISCOVERY OF MIKHAIL ABAKUMOV

Kondratiev Oleg Leonidovich

Art Collector. Building 5, 80, Leningradsky prospekt, Moscow 125190, Russian Federation.
E-mail: fond.abakumov@gmail.com

